

Оказалось, здесь был солнечный склон: местность пологая, а вокруг — густые, сочные леса, придающие этому месту ощущение живой силы и процветания.

Кроме того, могил здесь было гораздо меньше, чем на родовом кладбище Вэньцзячжуаня, которое Вэнь Жунь помнил из воспоминаний прежнего хозяина тела.

Всего лишь около ста могил. По древним обычаям того времени супруги обычно хоронились вместе в одной могиле, и здесь таких семейных захоронений было немало — оттого и общее число могил казалось ещё меньше.

Но место это, несомненно, было настоящей жемчужиной фэн-шуй!

Даже Вэнь Жунь, совершенно не разбиравшийся в фэн-шуй, понимал: такое расположение могил непременно принесёт благо потомкам.

Среди этих захоронений, у края кладбища, Вэнь Жунь заранее выбрал два хороших участка — для переноса останков своих родителей и прародителей (точнее, родителей и прародителей прежнего хозяина тела). Рядом, через две кустики дикой миндальной сливы, находились могилы родителей и прародителей Ван Цзюня.

Позади этих участков росло семнадцать-восемнадцать кипарисов и сосен, а ещё дальше — целая рощица диких тутовых деревьев.

Тутовые деревья никогда не сажали во дворах — считалось, что это приносит несчастье и печаль. Их всегда сажали только в дикой природе. Сейчас же зимний снег и лёд полностью сошли, и на деревьях уже распустились нежные почки, а кое-где даже появились первые ягоды шелковицы.

— Вот оно, место! — скомандовал дедушка Чжан рабочим. — Копать!

Четверо работников семьи старого Вана, второй сын дедушки Чжана и дядя Ян — всего шесть человек — принялись за работу.

Здесь нужно было заранее выкопать ямы, чтобы завтра, сразу после прибытия останков, можно было бы предать их земле.

Поработав целое утро, они вернулись домой и обнаружили, что даос Цинфэн уже прибыл. Он приехал не один, а с четырьмя учениками — все взрослые мужчины. У него было шесть учеников всего: двоих он оставил в храме Жуи, а остальных привёз с собой.

Все четверо были в дорожных одеждах, за спиной у каждого висел меч; чёрные волосы и брови делали их похожими на даосов школы Цюаньчжэнь, каких Вэнь Жунь видел в книгах. Ему очень понравился их внешний вид — сразу было видно: настоящие, подлинные даосы.

В обед Вэнь Жунь устроил угощение. Дома для всех приготовили плотный обед — жирное мясо с рисом, а для даосов отдельно накрыли стол со строго вегетарианскими блюдами.

Воспользовавшись моментом, Вэнь Жунь спросил у жены Чэнь Цяна:

— Завтра, наверное, нужно готовить «пиршество тофу»?

По местным обычаям, после похорон обязательно устраивали «тофу-пир» в благодарность односельчанам. Но Вэнь Жунь плохо разбирался в таких традициях — прежний хозяин тела тоже был в этом совершенно невежественен.

Было у кого поучиться — некому.

Когда умерли родители прежнего хозяина, тот был настолько подавлен горем, что всем занимался его младший дядя, который только и делал, что требовал у него денег.

Прежний хозяин тогда думал лишь о своём горе и не обращал внимания на расходы. Вэнь Жунь даже подозревал, что в те времена младший дядя Вэнь успел немало присвоить.

— Нет, господин, не нужно, — ответила жена Чэнь Цяна. — У нас ведь не похороны, а перезахоронение. Достаточно устроить «пир четырёх белых».

— «Пир четырёх белых»? — удивился Вэнь Жунь.

— Да, — пояснила она. — Это белый цыплёнок, варёное белое мясо, бланшированные креветки, жареный молодой камышовый рис и суп из белого тофу. Ещё подать обычный белый рис — и будет в самый раз.

— Отлично! Готовьте всё к завтрашнему дню! — решил Вэнь Жунь.

Он последние два дня как раз и обдумывал этот момент — нужно было действовать, пока железо горячо!

Днём уже распределили людей, а глубокой ночью все поднялись. Нагрели воды, умылись, привели себя в порядок — и тут тётушка Цуйхуа уже вынесла несколько паровых корзин с большими мясными булочками.

Из семьи старого Вана пришло больше двадцати человек, практически из каждой семьи Ляньхуаа явился по одному крепкому работнику, плюс четыре постоянных работника из дома Вэнь Жуня — всего получилось около тридцати человек. Ещё затемно они собрались у дома старого Вана, тихо перекусили мясными булочками и выпили соевого молока, которое прислала семья тофу Лю, даже с сахаром!

Насытившись, прихватили с собой ещё немного еды и двинулись в путь.

Вэнь Жунь подготовил десять повозок, включая свою собственную крытую карету. Такой отряд — столько людей и повозок — величественно и шумно направился напрямиком в Вэньцзячжуань.

Колёса катались быстро, и дорога заняла всего два дня.

Раньше, когда Вэнь Жунь впервые приехал в Ляньхуаао, ушло три дня — тогда он был болен, еле живой, и возница не смел ехать быстро, боясь, что больной совсем скончается от тряски.

Теперь же Вэнь Жунь не церемонился: повозки мчались без остановок. Всю ночь они провели под открытым небом, лишь слегка подремав, а глубокой ночью снова тронулись в путь. К утру, как раз на рассвете — солнце ещё не взошло! — они уже были в Вэньцзячжуане.

Вся информация о Вэньцзячжуане у Вэнь Жуня была из воспоминаний прежнего хозяина тела. Сам он впервые ступал на эту землю.

Честно говоря, Вэньцзячжуань действительно был намного лучше Ляньхуаао!

Деревня, прижавшаяся к горам, раскинулась среди лесистых склонов. Дома разной высоты, стоящие на холмистой местности, почти все были выложены из обожжённого кирпича и крыты черепицей — глинобитных хижин было совсем немного.

Дороги здесь были относительно чистыми. Особенно у подножия горы: там извивалась небольшая речка, а на том берегу уже были распланированы рисовые поля — через несколько дней начнётся высадка рассады!

По полям бродили десятки водяных буйволов — одни шли пастись, других пасли пастухи, а некоторые вели за собой телят.

Вэнь Жунь тут же подумал о «буйволовом молоке»!

Здесь нет коров с пастбищ, но зато можно попробовать доить буйволов!

К тому же молоко буйвола и питательнее, и вкуснее коровьего.

Но сейчас было не время думать об этом. Вэнь Жунь лишь мельком окинул взглядом окрестности, а затем, следуя воспоминаниям, повёл людей прямо к родовому кладбищу Вэньцзячжуаня.

Родовое кладбище находилось к северу от деревни и имело собственную широкую дорогу — по

ней всегда ходили на похороны и поминки. Вэньцзячжуань был древним поселением с богатой историей, большим населением и мощным родовым объединением.

Шум, поднятый приездом Вэнь Жуня, был немалый. Он даже не стал задерживаться в деревне, а сразу направился к северным горам.

Глава рода Вэнь и староста Вэнь только-только проснулись, как услышали: Вэнь Жунь вернулся!

И не то что не поздоровался — даже не зашёл в деревню! Привёл целую толпу и сразу ушёл к северным горам.

Сперва они испугались, но тут же всё поняли: ведь северные горы — это же родовое кладбище!

Ну и ладно, завтракать не будем. Срочно собирать людей и бежать на кладбище!

Следуя памяти прежнего хозяина, Вэнь Жунь быстро нашёл могилы своих родителей и прародителей.

Взглянув на расположение захоронений, он понял: ветвь прежнего хозяина была младшим сыном того самого главы рода, который когда-то переселился сюда. Поэтому на кладбище им досталось весьма почётное место — ведь предполагалось, что сюда будут хоронить всех потомков этой ветви, и заранее отвели большой участок.

Половина этого участка до сих пор оставалась пустой.

Могила родителей прежнего хозяина находилась слева внизу от могилы прародителей.

И родители, и прародители были захоронены парами — всего две могилы.

Ведь прежний хозяин не был высокопоставленным чиновником. Хотя он и был суйцаем (выпускником уездных экзаменов), это давало ему лишь небольшой статус: освобождение от трудовой повинности и налогов, а также право не кланяться на суде.

Вот и всё.

Поэтому их захоронения были обычными семейными могилами — даже не «могилами» в полном смысле слова.

В этом мире существовали чёткие правила: место захоронения простолюдинов называлось «фэнь» (могила) и не должно было быть выше человеческого роста.

Лишь высокопоставленные чиновники имели право на «му» (усыпальницу), причём её размер зависел от ранга.

А «лин» (мавзолей) — это уже удел императорской семьи: императорские гробницы, царские усыпальницы, а также «сады наложниц» — места захоронения императорских жён и наложниц.

Перед Вэнь Жунем стояли две могилы — и выглядели они по-настоящему жалко.

Во-первых, за ними совершенно не ухаживали. В те времена люди обязательно навещали могилы в праздники — не столько из скорби, сколько чтобы привести их в порядок: счистить землю, вырвать сорняки вокруг, чтобы трава на могиле не разрослась слишком высоко.

Этому придавали большое значение: слишком высокая трава на могиле считалась плохим знаком.

Ведь по состоянию травы на могиле можно было судить о «ци могилы» (фэньци) — энергии захоронения. Согласно даосской геомантии, именно по траве определяли, насколько благоприятна могила, хороша ли судьба потомков и даже кто там похоронен.

Например, если в сезон активного роста трава на могиле вялая и засохшая — значит, «ци могилы» слабая, и это плохой знак.

Если же осенью, когда всё вокруг увядает, трава на могиле остаётся сочной и зелёной — «ци могилы» сильная, и это благоприятно.

Если вырвать травинку и обнаружить, что корень гнилой и вонючий — вероятно, гробница затоплена водой. То же самое, если по краям старой могилы появился мох — тоже признак подтопления.

Всё это Вэнь Жунь узнал от даоса Цинфэна. А теперь, увидев перед собой могилы, заросшие высокой травой — частью засохшей, частью уже пробивающейся молодой зеленью, — он почувствовал глубокую неловкость и боль...

Ведь даже если это не его родные родители и прародители в прошлой жизни, они всё равно были прямыми кровными предками того тела, которое он носил сейчас!

В этот момент Вэнь Жунь окончательно принял всё — и своё прошлое, и настоящее, и факт перерождения в этом мире.

Теперь эти заботы, этот долг — всё это стало его ответственностью.

Глаза его слегка защипало. Сегодня он надел простую тёмно-синюю одежду ученого-цзюйжэня, чёрные тканевые туфли и белую повязку на голову — как знак траура.

Поверх всего он надел грубую конопляную рубаху и белый пояс, а на плечах, очень заметно, были пришиты две красные ленты, свисавшие вниз.

Потому что он был не только сыном, но и внуком.

Он пришёл перенести могилы не только родителей, но и прародителей.

Поэтому и оделся именно так — его наряд полностью соответствовал обстоятельствам.

С красными от слёз глазами Вэнь Жунь подошёл к могилам один и начал выдирать сорняки вокруг надгробий.

Правда, крупную жёсткую траву он не решался трогать голыми руками — кожа у него была слишком нежной, и, рванув такую траву, он наверняка порезал бы ладони. А в такой день проливать кровь — дурная примета.

К счастью, даос Цинфэн вовремя взмахнул пуховкой:

— Приступайте!

— Есть! — отозвались пришедшие с ним работники и бросились помогать выдирать сорняки.

Другие люди, конечно, побоялись бы вмешиваться — ведь трогать чужие могилы без разрешения считалось плохой приметой. Но эти работники были наняты самим Вэнь Жунем, и для них помощь хозяину была делом естественным и обязательным.

Им нечего было опасаться — они смело приступили к делу.

Едва они успели расчистить половину, как подоспели глава рода Вэнь с советом старейшин и староста Вэнь с отрядом из тридцати с лишним односельчан.

Хотя Вэньцзячжуань и был многолюдным, он всё же сохранял строгую родоплеменную структуру. От самого первого главы рода Вэнь произошло двенадцать ветвей («домов»).

В каждой ветви свои дела решал глава ветви («фантоу»), иначе пришлось бы всякий раз созывать народное собрание всей деревни — что, конечно, было бы нереально.

Поэтому в подобных вопросах обращались именно к главам ветвей — они и были «говорящими

головами» своих линий.

Позже некоторые ветви разделились ещё мельче, и теперь в деревне насчитывалось уже тридцать с лишним таких «говорящих голов».

Вот эта толпа из тридцати-сорока человек и прибежала сюда, подняв немалую пыль и шум!

Они собрались в спешке, поэтому прибыли запыхавшиеся. Увидев Вэнь Жуня, который как раз приказал своим людям пропалывать могилы, они на мгновение замерли.

Главу рода Вэнь привезли на спине — его третий внук нес его сюда. К счастью, хоть голова у этого внука была не очень сообразительной, зато силы хватало — иначе старику ни за что не добраться сюда так быстро.

— Вэнь Жунь! Ты... ты и вправду собираешься переносить могилы? — выдохнул глава рода.

Они, конечно, всё это время знали о его намерениях и пытались найти способ помешать. Но пока они думали, произошло столько всего: они хотели подставить Вэнь Жуня перед уездным начальником Синем, но ничего не вышло — напротив, сами испугались его жестокости и решительности. А потом начались сборы зерна и поставки провианта — дела государственной важности, куда важнее, чем перезахоронение Вэнь Жуня.

Пока они спорили между собой — кто пошлёт людей, а кто откажется от работ, — Вэнь Жунь уже прибыл.

Как раз и выбрал идеальное время!

— Конечно, — спокойно ответил Вэнь Жунь, бросив на них взгляд. — Разве мы не договорились об этом заранее?

Сейчас задавать такие вопросы — всё равно что говорить пустое.

Глава рода на мгновение опешил, но тут же небрежно бросил:

— Ты хочешь перенести могилы в Ляньхуаао?

— Да, — кивнул Вэнь Жунь.

— В Ляньхуаао? В ту нищую дыру?

— В то проклятое место, где из-за бедных гор и злых вод рождаются одни головорезы!

Жители Вэньцзячжуаня явно знали, что такое Ляньхуаао, — и всё же когда-то позволили прежнему хозяину тела «выйти замуж» именно туда.

Люди из Ляньхуаао, конечно, возмутились:

— Что вы нашли плохого в нашем Ляньхуаао? Разве мы едим ваш рис?!

Стороны тут же начали переругиваться, как два петуха, готовые к бою. Лишь вмешательство дедушки Чжана и старосты Вэнь заставило их замолчать. Иначе, глядишь, дошло бы и до драки.

Но Вэнь Жунь не выказал ни злобы, ни раздражения. Он сохранил полное достоинство образованного человека:

— Ляньхуаао прекрасен: там есть и горы, и реки, и всё это окружает долину, словно лотос в ладонях Будды. Это идеальное место для вечного упокоения моих родителей и прародителей. Сегодня я, Вэнь Жунь, Вэнь Жу Юй, непременно перенесу их туда. И впредь в каждую из восьми великих дат года и четыре сезона я буду совершать поминальные обряды без перерыва.

— Как ты, мужчина, заключивший брачный договор, сможешь обеспечить непрерывность жертвоприношений? — мрачно спросил глава рода.

Он не хотел этого говорить, но вынужден был.

— Это уже не ваше дело, — спокойно ответил Вэнь Жунь про себя подумав: «Так и есть — учитель угадал! Опять свели всё к жертвоприношениям. Ведь я, “выйдя замуж”, да ещё и будучи мужчиной, действительно не смогу оставить потомства».

— Но даже если бы я не стал переносить могилы, разве мои родители и прародители получали бы здесь регулярные поминки? — с горечью и сарказмом спросил Вэнь Жунь. — Вы сами только что видели: их могилы заросли бурьяном! Не только могилы родителей, но и прародителей! Какая польза от того, что они остаются здесь? Скоро они превратятся в одинокие заброшенные могилы!

Эти слова заставили всех жителей Вэньцзячжуаня замолчать. Они и вправду не замечали этого: на кладбище Вэньцзячжуаня уже почти десять тысяч могил! Кто станет заботиться о чужих предках, кроме прямых потомков?

— Ты... — начал один из пришедших старейшин.

Из совета старейшин пришли только двое — остальные были слишком немощны, чтобы идти так далеко. Но даже эти двое смотрели на Вэнь Жуня с презрением: как это «выйдший замуж» человек осмеливается возвращаться и трогать родовые могилы?!

— Если ты перенесёшь могилы, разве это не нарушит фэн-шуй нашего родового кладбища? — строго спросил один из старейшин. — Не навлечёт ли это беду на весь род Вэнь?

<http://bllate.org/book/15642/1398100>